

Давайте, как было — всего и побольше!

Данные опросов: люди представляют себе будущее в прошлом — до 24 февраля. И ждут роста во всем: и в свободе слова и в репрессиях

Иллюстрация: Петр Саруханов / «Новая газета»

07:02, 5 марта 2025,

Елена Панфилова

обозреватель «Новой газеты»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

В последние пару месяцев только и разговоров, что о приближающемся возможном мире. Миром называют разное: и остановку огня по линии соприкосновения Вооруженных сил Украины и России, и некое перемирие, и заключение полномасштабного договора об окончании боевых действий. Все ждут разного, но отчетливо чего-то ждут. Все ожидаемое, в какой форме оно ни произойди, должно как будто подвести черту под одним периодом в жизни и открыть начало нового.

Судя по многочисленным репликам и высказываниям в медиа и социальных сетях, по услышанному от участников многочисленных исследований и фокус-групп Лаборатории будущего «Новой газеты», ожидания чего-то «после» весьма размыты и не слишком отчетливы. Явно после этого рубежа все, буквально все должно измениться, но как и в какую сторону — уловить довольно сложно.

Три пути

Кто-то из совершеннейших оптимистов ожидает, что жизнь сразу станет легче, все неким волшебным образом наладится так, что станет похожим на Россию до февраля двадцать второго года, а то и на что-то напоминающее страну в период проведения чемпионата мира по футболу, когда «все страны в гости к нам», а мы — опять часть большого мира безо всяких исключений.

Те, что смотрят на положение дел реалистичнее, полагают, что так, как было, больше не станет, но будет некий выдох, спадет общее напряжение, экономика начнет медленно постепенно разворачиваться с военных рельс на мирные, а за этим, — глядишь, — то тут, то там не быстро, но явственно станут проступать черты нормализации в отношениях с бывшими партнерами как на уровне стран, так и бизнесов.

Но есть и те, кто считает, что после того, как этот самый мир в той или иной форме произойдет, страна окончательно закроется, превратится в вещь в себе, отгородится от всего внешнего мира за исключением двух-трех привычных партнеров высоченным забором и рвом с крокодилами, а внутри установятся такие порядки, по сравнению с которыми нынешние репрессивные привычки власти покажутся детскими развлечениями.

Так или иначе, когда-нибудь но что-то произойдет, даже если не так скоро, как многие предполагали, и мы сможем увидеть, куда жизнь после этого повернется.

Никто сегодня не будет спорить, что, судя по происходящим в последнее время событиям, все может повернуться в совершенно невообразимую досель сторону с самыми невероятными последствиями.

То, с какой скоростью, сюжетными разворотами и драматизмом проносится перед нашими глазами геополитическое реалити-шоу с звонками, встречами, переговорами, подписаниями и неподписаниями, публичными скандалами, не дает возможности даже попытаться представить, что будет дальше. Этого, кажется, не знают пока и сами главные герои этого шоу.

И чего ждем?

Поэтому показалось разумным спросить об их ожиданиях таких же, как мы, зрителей всего происходящего, узнать, каковы, на их взгляд, основные черты той жизни, которая наступит «после». Мы предложили участникам опроса попытаться предсказать, как изменится ситуация как с теми сферами,

которые касаются как непосредственно их повседневной жизни, так и более широкого контекста жизни в стране. Вопросы были сформулированы так, чтобы они спрогнозировали, вырастут или снизятся после окончания специальной военной операции цены, возможности приобретать зарубежные товары, возможности для зарубежных поездок, а также свобода слова и роль силовых структур в стране.

Фото: Ирина Бужор / Коммерсантъ

Полученные результаты оказались полны парадоксов, но подтвердили три тезиса об общественных настроениях, которые возникли у нас в самом начале наших исследований еще в начале прошлого года и сопровождают нас все это время.

- **Первый** из них: перемирия люди в большинстве своем в целом ждут, и ждут потому, что после него они ожидают изменений, и в основном изменений к лучшему или как

минимум к возвращению к привычной им нормальности. Судя по вектору ответов, все ждут, что все пойдет в рост. Даже то, что не должно бы.

- **Второй** — закрытие страны, невозможность привычно перемещаться в пространстве, путешествовать — наиболее болезненно сказался на людях, они восприняли это как реальную потерю и как что-то, что сказалось на их качестве жизни.
- И **третье** — это то, что россиянам очень трудно даются размышления о будущем, даже в самой простой их форме. Им тяжело представлять, что будет непосредственно с ними и вокруг них как в самое ближайшее время, так и в отдаленной перспективе. Даже относительно просто поставленные, безобидные вопросы о будущем вызывают у них изрядные затруднения, что уж говорить о более сложных задачах по прогнозированию или конструированию образа будущего.

Что же касается парадоксов, то о них стоит поговорить поподробнее. Но прежде отметим те вопросы, где у участников практически не было затруднений и где они точно и массово ожидают изменений к лучшему.

Консенсус

Во-первых, практически все ожидают открытия границ. На вопрос о том, как изменятся после окончания СВО возможности для зарубежных поездок, только 9% ответили, что они будут снижаться, 73% уверены, что они будут расти, а 19% затруднились ответить. Важно, что среди молодежи в целом тех, кто ждет момента, когда снова можно будет свободно перемещаться по миру, — 87%, а среди учащейся молодежи аж 92%. Того же ждут 85% москвичей и 83% жителей Урала, 80% предпринимателей и 79% служащих плюс 80% вполне предсказуемых в данном контексте пользователей YouTube. Таков в целом портрет тех, кому важно, чтобы мир вокруг России снова стал открытым.

Второй вопрос, ответ на который был отчасти предсказуемым, касался возвращения россиянам возможности приобретать товары зарубежных марок и брендов. Что там наши опрошенные, когда о том, что западный бизнес вроде как вот-вот начнет восстанавливать свое присутствие в стране, уже вовсю заговорили официальные лица и профильные медиа. То, что это должно произойти, уверены 68% участников опроса, 10% посчитало, что, наоборот, зарубежные товары продолжают исчезать с прилавков, а 22% затруднились предсказать что-либо в данном вопросе. И опять наибольший оптимизм испытывают молодые люди в целом — 83%, учащиеся — 88% и руководители разного уровня — 80%. Последнее звучит наиболее многообещающе, ведь им как раз должно и быть виднее, какие там откроются перспективы.

Фото: Виктор Коротаев / Коммерсантъ

Парадоксы

А дальше — **первый парадокс**. Касается он самого острого и самого всегда актуального вопроса повседневной жизни любого россиянина — цен. Сложился как экспертный, так и более общий, распространенный на бытовом уровне консенсус, что за постоянным ростом цен на товары и услуги в последние три года стоят именно последствия начала в феврале двадцать второго года военных действий в Украине. Санкции, все тот же уход с рынка зарубежных компаний, милитаризация экономики — набор причин для того, что все вокруг как начало дорожать, так и не останавливается, всем хорошо известен и детально описан коллегами-экономистами.

Было бы логичным предположить, что как только прекратятся военные действия, все эти факторы влияния на экономику начнут снижать свое давление, а то и вовсе исчезать, и, как следствие, рост цен прекратится. Но нет, участники нашего опроса так не считают. Почти половина, 48%, из них полагают, что даже после окончания специальной военной операции цены продолжат идти вверх, 28% все же надеются на лучшее, на то, что они начнут снижаться, и 24% затруднились что бы то ни было предсказать. Опять самыми оптимистами оказываются учащиеся молодые люди, 48% которых считают, что, как только утихнут пушки, цены тут же начнут снижаться. А вот сильно больше половины людей среднего возраста с высшим образованием, предпринимателей, служащих, руководителей, специалистов не верят в это и полагают, что цены будут продолжать свой рост.

То есть они никак не увязывают происходящее на потребительском рынке лишь с СВО и, похоже, видят более системные и глубокие причины для ситуации с ценами. И вряд ли верят в то, что государство так или иначе

сможет справиться с существующими тенденциями.

Фото: Василий Шитов / Коммерсантъ

Второй парадокс тоже связан во многом с доверием. С доверием между гражданами и властью, с верой в возможность реализовать свои гражданские права и ожиданием властной реакции на это.

Участникам опроса было задано два вопроса, связанных не столько с повседневными бытовыми реалиями, такими как цены, покупки и поездки, сколько с общим курсом развития жизни в стране. Один касался возможных изменений ситуации со свободой слова, которая была изрядно ограничена в последние три года многочисленными статьями, установившими жесткие наказания за критические

высказывания о военных действиях и некомплементарные замечания в адрес власти и армии. Второй — присутствия в жизни россиян тех, кого принято называть силовиками, всевозможных людей в погонах, от полицейских до Росгвардии, от следователей до сотрудников ФСБ и так далее. И вот тут и возник парадокс: 56% участников опроса сочли, что после окончания СВО свобода слова в стране начнет прирастать, 12% посчитали, что ее станет еще меньше, а 31% затруднился с ответом (вообще, этот вопрос показался всем самым трудным, что, впрочем, неудивительно).

Параллельно эти же самые люди, отвечая на вопрос о том, как изменится роль силовых структур в жизни страны, предположили, что она тоже вырастет: так ответил 61% опрошенных, снижения же роли силовиков ожидают 13% при 27% затруднившихся ответить.

Казалось бы, как так может быть: будет расти свобода слова и параллельно расти роль силовиков?

Возможно, предположение о том, что роль силовых структур может еще сильнее вырасти, хотя, казалось, куда уж больше, объясняется тем, что люди ожидают их численного приращения. И изрядного. Недавний февральский опрос социологической службы Russian Field показал, что 64% россиян предполагают, а возможно, даже ожидают, что участники боевых действий в Украине после демобилизации пополнят ряды полиции. А возможно, и других силовых ведомств.

Фото: Надежда Буаллаг / Коммерсантъ

Это вообще большая и сложная тема, которая регулярно упоминается в ходе наших исследований: как и куда будут интегрироваться после возвращения в гражданскую жизнь сотни тысяч людей с боевым опытом. Простым решением многим кажется их встраивание тем или иным образом в наши многочисленные силовые структуры. Но простое — не всегда значит хорошее.

В любом случае, это лишь одна из версий среди возможных объяснений того, почему участники нашего опроса ожидают роста присутствия силовиков в окружающей действительности. Вторая же заключается в том, что оно всегда растет, это присутствие. Как началось четверть века назад, так и продолжает расти и расти, приумножаясь новыми службами и ведомствами, очередными функциями и целями, все большим штатным составом. Поэтому почему бы этому тренду не

продолжиться, ведь предположить, что роль силовиков в стране вдруг начнет отчего-то снижаться, из сегодняшнего дня действительно сложно.

Но как же это увязывается с тем, что значительное число ответивших, больше половины, параллельно с этим ожидают положительной динамики со свободой слова в стране? А возможно, так и увязано, что чем больше будет свободы слова, тем больше будет вопросов, чем больше вопросов — тем больше недовольных тем и этим (включая те же цены). Чем больше недовольных, тем больше вероятность тех или иных протестов, как это уже бывало в недалеком российском прошлом. А чем больше протестов, тем больше надо для контроля за ними... силовиков. Круг замыкается.

Получается, что, с одной стороны, этими ответами люди показывают, что они действительно хотят в ту нормальность, которая им знакома, которую они не успели забыть, где можно было говорить и писать что думаешь, высказывать то, что считаешь нужным, и даже, возможно, порой выходить на улицы своих городов, чтобы иметь возможность публично выступить со своим мнением и своими требованиями. Но еще они дают понять, что они совершенно не ожидают, что после того, как наступит этот самый столь ожидаемый мир, государство будет относиться к свободе слова и праву на самовыражение как-то иначе, чем она относится к ним сейчас и относилась в прошлом.

В комплекте с правом на свободу слова у нас полагается иметь в наличии у власти силовых средств и инструментов контроля этого права и готовность реагировать на реализацию этого гражданского права силовым путем. Это наш

такой своеобразный вариант нормы.

...И по всему выходит, что в этом самом желаемом, предполагаемом послевоенном будущем с его вернувшимися поездками и, пусть и по растущим ценам, но брендовыми вещами, ожидается на самом деле прошлое. Возможно, эта картина бы изменилась, если бы все затруднившиеся с прогнозом (а их было в каждом вопросе до трети) нашли в себе возможность попытаться заглянуть в будущее. Но они затруднились. И потому — назад в прошлое.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Вот кончится СВО — и наступит изобилие!](#)

Общество готовится к победному изобилию и росту влияния силовиков, чем лояльнее власти люди — тем больше испытывают надежд

10:03, 5 марта 2025, Алексей Левинсон